

Глава 22: Виски

Они не знают, было ли это из-за похода в храм, но следующие несколько дней они действительно больше не попадали в мир снов. Они спокойно спали до рассвета, и ужас, с которым они столкнулись той ночью, постепенно исчез.

Двое детей каждый день держались вместе, смотрели мультики дома, ходили к ручью ловить рыбу и выводили щенка на прогулку по хребту после захода солнца, расслабленные, спокойные и чувствующие себя комфортно.

Иногда они встречали группу деревенских детей. Все они смотрели прямо на Шэнь Цзицзе, явно переполненные любопытством, но не осмеливались подойти и завязать разговор.

Ведь хоть Шэнь Цзицзе был хорош собой, все его тело, включая выражение лица, переполнено какой-то иной энергией, он явно отличается от них.

Дети не могли сказать, что они испытывали, они просто чувствовали, что он другой, поэтому при каждой встрече, просто пристально смотрели на него.

Шэнь Цзицзе чувствовал, что эти дети немного грязные, поначалу не хотел с ними играть, не говоря уже о том, что он был лицемерным псом, которому нравились красивые люди вроде Лу Жун. Но когда на него смотрели, он отвечал взаимностью.

Вот каковы дети. Ты смотришь на меня, я смотрю на тебя, значит, что мы признали друг друга и можем поладить.

Шэнь Цзицзе еще несколько раз пристально взглянул на детей, и как будто они получили какой-то сигнал, наконец, подошли, с целью завязать разговор.

Вначале они обратились к Лу Жуну: "Лу Жун, мы собираемся покататься на свинье, ты придешь посмотреть?"

"Ага-ага, мы скоро пойдем кататься на свиньях, пойдем посмотрим," — кто-то начал, и все дети сразу зашебетали.

В любом случае, свиней в деревне Лунцюань никто не крал, они не могли самостоятельно сойти с горы, поэтому большинство из них находятся на свободном выгуле и не всегда находятся в неволе. Свиньи ходили в поля, лакомясь овощами, поднимались на гору в глубь леса, лакомясь упавшими орехами.

Благодаря своему упорству в занятиях спортом свиньи в деревне вырастают очень сильными, у них крупное тело и свирепая морда. Если кто-то смотрел на них несколько раз, они переставали есть, поворачивали шеи, а на их лицах было написано: "На что смотришь?!" А если

вы не обращаете на них внимание, то посторонний может даже подумать, что это группа диких кабанов.

Однако эта группа поросят, похожих на телят, также стала любимцами детей в деревне. Они подкрадывались сзади к не обращающим на них внимание свиньям и, пока свиньи начинают недовольно и дико бегать вокруг, дети запрыгивают прокатиться на их спины.

Взрослым было все равно, когда они видели это, они лишь улыбнулись и говорили: "Будь осторожен, не упали."

Дети были такими стойкими, что им было все равно, даже если их роняли на землю. Они вставали и шли за свиньей, веселясь. Постепенно развился и такой вид спорта, как катание на свиньях.

Дедушка Цай не разрешал Лу Жуну кататься на свинье, но больше всего тому нравилось наблюдать за этой сценой. Услышав, что дети снова собираются покататься, он очень обрадовался и отчаянно закивал.

Деревенские дети выбежали на поле, часто оглядываясь на Шэнь Цзицзе на бегу, их глаза, казалось, превратились в крючки.

Чудесное общение между детьми заставило Шэнь Цзицзе за считанные секунды понять это туманное приглашение, Лу Жун продолжал тянуть его за руку, поэтому он последовал за ним.

Группа ребятшек играла как сумасшедшая, катаясь по полю, подгоняя свиней, свинюшки в ответ визжали.

Хотя Шэнь Цзицзе не стал ездить верхом, он не позволили и Лу Жуну прокатиться. Он только стоял на краю поля и наблюдал с улыбкой на лице, время от времени произнося несколько слов, чтобы подбодрить свинью.

Дети были очень довольны им, думая, что с ним приятно и легко ладить.

Лу Жун стоял рядом с ним, поддерживая свою любимую свинью хриплым голосом: "Дахэй (1), Дахэй, давай, иди вперед!"

(Дахэй (大黑/dà hēi) — большой черный)

Его голос отличался от обычного молочного, он стал высоким и резким, как у маленького шумного жаворонка. От звука его голоса у Шэнь Цзицзе зазвенело в ушах, он не мог удержаться от подглядывания в его сторону.

Лицо Лу Жуна покраснело, кулаки были сжаты на груди, со лба струился пот, он явно очень нервничал.

Увидев его в таком состоянии, Шэнь Цзицзе не мог избавиться от неприятной сухости во рту, прикрывая глаза, он протянул руку.

Лу Жун, не глядя на протянутую руку продолжил кричать: "Дахэй, если ты хорошо пробежишь, я дам тебе арахиса!"

На его светлой шее вздулись голубые вены, ему не терпелось вскочить, когда он увидел Дахэя, мчащегося к финишу со скоростью ветра.

Шэнь Цзицзе перестал смотреть на свиней и вновь протянул руку, чтобы прикоснуться и успокоить мальчика.

Лу Жун снова пригнулся.

Снова увернулся.

Ещё раз увернулся.

Шэнь Цзицзе повел себя крайне ребячески, закрывая глаза Лу Жуну. Казалось, ему было очень интересно наблюдать за его реакцией. Лу Жун терпеливо отводил его руку в сторону снова и снова, пока наконец, не удержавшись от хмурого взгляда, сказал: "Гэгэ, ты такой надоедливый."

Сердце Шэнь Цзицзе резко подпрыгнуло.

Ему нравилось видеть, как Лу Жун хмурится, мягко говоря ему, что он раздражает, он казался немного беспомощным, обиженным, замкнутым.

"Позови меня гэгэ, и я больше не буду тебя беспокоить," — он ущипнул лицо Лу Жуна.

Лу Жун небрежно сказал: "Гэгэ.."

Он не знает, что тот увидел, но его глаза внезапно загорелись, он вновь закричал: "Дахэй, а-а-а-а."

У Шэнь Цзицзе заболела голова от этого шума, он протянул руку, чтобы потрогать мягкую плоть на лице мальчика: "Позови еще раз, будь серьезнее, если ты будешь так шуметь, я не буду тебя дальше беспокоить."

Лу Жун наконец сдался, он повернул голову и закричал: "Гэгэ~~"

Его лицо все еще было в чужих руках, слова прозвучали приглушенно, но Шэнь Цзицзе, который просто хотел услышать его голос, удовлетворенно убрал руку и отвел мокрые волосы со лба в сторону: "Гэгэ отпускает тебя поболеть за Дахэя."

Помимо игры, они вдвоем какое-то время каждый день выполняют домашнюю работу. Шэнь Цзицзе выглядел очень серьезным, выполняя домашнее задание, размашисто писал, слегка хмурился и серьезно размышлял.

Потому что он должен был сохранить свое лицо перед Лу Жуном.

Теперь, когда они познакомились друг с другом, он постепенно начинает раскрывать свою природу школьного отморозка. Как ученик начальной школы, который еще не перешел в третий класс, Лу Жун может осознанно выполнять свою домашнюю работу. Он, которому через год предстояло закончить начальную школу, рисовал маленьких человечков в рабочей тетради.

Но когда Лу Жун спросил, он все равно ответил с серьезным выражением лица: "Ты не понимаешь методов обучения старшеклассников. Тебе нужно на некоторое время расслабить свой мозг после долгой работы, чтобы начать учиться более эффективно. Конечно, ты поймешь, когда вырастешь."

Лу Жун, казалось, понял: "О."

Шэнь Цзицзе снова указал на свою тетрадь с домашним заданием: "Пиши быстро, не медли."

"Хорошо."

Дед Цай отвел Шэнь Цзицзе в сельскую управу и позволил воспользоваться стационарным телефоном, чтобы позвонить домой и сообщить о себе.

"...Мм, я просто делаю свою домашнюю работу каждый день... Я не поехал с дядей, он все время сбегает... Мой дядя попросил меня побыть в доме бабушки... Бабушка — глава деревни... Очень хорошо. Я серьезно выполняю свою домашнюю работу каждый день. Я расширяю кругозор здесь. Думаю, я понял многое и даже осознал множество проблем, которые я не понимал раньше..."

Шэнь Янь наконец закончил свою работу и вернулся на гору Лунцюань. Выйдя из машины, он направился прямо к дому бабушки Цая, неся большую сумку с подарками, он намеревался забрать Шэнь Цзицзе.

Лу Жун помогал деду Цаю мыть овощи, и в тот момент, когда он увидел Шэнь Яня, овощи выпали у него из рук в таз.

"Он... почему он здесь? Разве он не сказал, что собирается кое-что сделать, и не велел своему племяннику подождать его?" — Пробормотал он, не веря своим ушам.

Дедушка Цай, не беспокоясь о его ненормальности, сказала: "Не называй его "он", зови его дядя Шэнь." — Сказав это, он встал и ласково поприветствовал его.

Лу Жун застыл на месте, как пораженный молнией.

Изначально Шэнь Янь сказал Шэнь Цзицзе, что собирается пойти поработать и заберет его через несколько дней. Лу Жун слушал его в то время и очень сочувствовал, он считал, что Шэнь Цзицзе был брошен своим дядей.

Сначала он не принимал это близко к сердцу и чувствовал лишь то, что у него пытаются увести дедушку. Но теперь все по-другому. Он часто втайне радовался, что дядя Шэнь выбросил Шэнь Цзицзе и у него появился ещё один брат.

Но... но почему дядя Шэнь вернулся?

Шэнь Цзицзе выслушал инструкции Шэнь Яна и пошел собирать свою одежду, сумки и портфель с домашним заданием. Как только он переступил порог дома, к нему метнулась темная тень.

Лу Жун, бросившийся в его объятия, повернул голову в сторону двора и нетерпеливо сказал: "Вернись, не уходи, не уходи."

Шэнь Цзицзе сказал: "Жун-Жун, мой дядя здесь, чтобы забрать меня."

"Нет, ты не можешь пойти с ним, нет."

Лу Жун поднял голову, его лицо было полно тревоги, его большие глаза уже наполнились слезами, и он вот-вот начнет выть.

"Ах... Дядя..." — Шэнь Цзицзе ухватился за дверной косяк, чтобы стабилизировать свою фигуру, и смущенно посмотрел на Шэнь Яна во дворе.

Дедушка Цай смутился и подошел, чтобы обнять Лу Жуну: "Дитя, это не значит, что ты больше не сможешь его увидеть. Он будет на стройплощадке по соседству. Завтра рано утром ты можешь сходить к своему гэгэ."

Это так?

Лу Жун сделал паузу, прерывая серию действий, которые должны были последовать. Например, кататься по пола и громко выть, падать на колени и обнимать чужие икры.

"Да, Жун-Жун, ты можешь играть со своим гэгэ в любое время," — Шэнь Янь улыбнулся, увидев это: "Почему бы Жун-Жуну не пойти сегодня с нами на стройку?"

Дедушка Цай заколебался: "Ну, разве это тебя не беспокоит..."

"Что ты говоришь? Сяо Цзе так долго беспокоил тебя, и я не слышал, чтобы он мешал тебе."

Лу Жун быстро изменился в лице, взял Шэнь Цзице за руку и быстро направился к воротам внутреннего двора: "Дедушка, я вернусь к ужину завтра в полдень. Я хочу съесть яичницу-болтунью."

Он снова поднял голову и спросил Шэнь Цзице: "Гэгэ, что ты хочешь съесть?"

Шэнь Цзице сказал: "Давай поедем холодные овощи."

У Цая не было другого выбора, кроме как сказать: "Хорошо, тогда я приготовлю омлет и холодные овощи для вас двоих к полудню."

Видя, что Шэнь Янь собирается уходить, дед Цай взял кусок бекона, свисающий с кухонной балки, и сунул ему: "Твоя еда не такая вкусная, возьми и попробуй."

Шэнь Янь тоже не был вежлив, он сразу же поблагодарил его и принял еду. Вернувшись на стройплощадку, он должен был подготовить щедрый подарок, чтобы поблагодарить.

Шэнь Янь переехал во временное общежитие до завершения проекта, которое находится примерно в полкилометра от деревни.

Несмотря на то, что это временное общежитие, условия довольно хорошие, с собственной ванной комнатой, холодильником, кондиционером, телевизором и другими электроприборами в комплекте.

Дети из близлежащих деревень часто приходят на строительную площадку поиграть и собрать ненужные материалы для изготовления игрушек. Лу Жун также бывал здесь несколько раз и не был незнаком с стройплощадкой.

Он взял в руки пузырчатую пленку, на которой были пузырьки, и нажимал до тех пор, пока они не взрывались. Он мог полдня играть с пузырчатой пленкой размером в полметра, смотря мультфильмы, нажимая на нее во время просмотра и получая двойное удовольствие.

Войдя в дом, Шэнь Цзицзе хотел вести себя прилично перед своим дядей. Как только он сел, он достал из своей школьной сумки книгу, чтобы сделать домашнее задание.

Но Шэнь Янь был уверен в нем и не осознавал глубокого смысла, стоящего за этим поступком, поэтому он похвалил его. Он смутно осознавал, что его племянник много читал, где бы он ни был, куда бы он ни пошел. Шэнь не такой живой и энергичный, каким должен быть ребенок.

Поэтому он немного обеспокоенно огляделся по сторонам, уговаривая его выйти погулять и побольше поиграть с детьми в деревне.

В результате Шэнь Цзицзе впал в глубокую меланхолию.

Он целый день бегал с Лу Жуном и наблюдал, как деревенские дети катаются на свиньях. Почему он не активный? Если бы свиньи были чище, он бы покатался на них сам, ясно?

Поэтому, когда Шэнь Янь вышел на улицу, чтобы посмотреть, как продвигается проект, он перестал писать и отложил книгу, решив посмотреть телевизор с Лу Жуном.

Когда Шэнь Янь вернулся вечером, он повел двоих детей в столовую ужинать. За их столом было полно народу, и кусок бекона, подаренный дедушкой Цаем, тоже был приготовлен и подан на стол, также было поставлено несколько бутылок оранжево-желтого иностранного вина. Это было виски, которое Шэнь Янь привез из-за пределов горы.

Шэнь Цзицзе и Лу Жун одиноко поедали миску риса, слушая, как группа рабочих пьет и болтает во время еды, пока ветер дул с юга на север.

Взгляд Лу Жуна постоянно падал на бокалы с вином других людей. Шэнь Цзицзе понял его мысли, поэтому наклонился ближе и прошептал: "Это алкоголь, градус очень высокий, тебе нельзя такое пить."

Лу Жун повернул голову и уставился на него, не в силах вымолвить ни слова, на его лице была мольба.

"Не смотри на то что оно такого цвета, это не сливовое вино, а виски," — снова сказал Шэнь Цзицзе.

В его винном шкафу много вина. По надписи на бутылке по-английски видно, что это иностранное вино, напоминающее виски.

Двое детей тихо зашептались, и Шэнь Янь, заметив это, спросил: "О чем вы двое говорите?"

Шэнь Цзицзе объяснил: "Я говорил ему, что это не сливовое вино, а виски."

"О, этот парень хочет выпить?" — Рабочий с улыбкой поддразнил Лу Жуна.

Лу Жун огляделся широко раскрытыми глазами и ничего не ответил, но выражение его лица было полно желания. Видя, что ситуация не из приятных, Шэнь Цзицзе поспешно сказал: "Он не хочет выпить, он не может пить."

Лу Жун внезапно посмотрел на него, его глаза были жалобными.

Все рабочие рассмеялись, а кто-то поставил перед Лу Жуном бокал и налил ему полстакана: "Пей, если хочешь, все в порядке, попробуй."

Лу Жун нетерпеливо поднял руку, Шэнь Цзицзе невыразительно кашлянул рядом с ним и медленно опустил его руку.

Он знал, что детям нельзя пить, поэтому, хотя тот был непослушным с Шэнь Цзицзе, он все равно мог быть покладистым в таких ситуациях.

Взрослые видели, что он не пьет, но его глаза прилипли к бокалу с алкоголем, как у жадного кота, и они продолжили подбадривать его. Шэнь Янь днём не был в настроении, но теперь, ему это эта сцена показалась интересной, он не стал его останавливать, а просто улыбнулся и посмотрел.

"Не бойся, пей, дяди поддержат тебя, твой гэгэ не посмеет контролировать тебя," — он снова сказал Шэнь Цзицзе: "Дай своему диди сделать глоток, пусть попробует."

Лу Жун схватил Шэнь Цзицзе за рубашку под столом и потянул ее влево и вправо.

Шэнь Цзицзе, наконец, не выдержал его тоскующего взгляда и беспомощно сказала: "Тогда ты можешь попробовать. Ты узнаешь каков он на вкус, только попробовав его."

После того, как Лу Жун получил разрешение, он радостно поднял бокал с виски. Все ждали, что он напьется, будет выглядеть странно. Сделав глоток, он, причмокнув, снова наклонился и выпил весь оставшийся бокал.

"Потрясающе, эксперт."

"Ну и ну, мастер, давай, давай, ты теперь мой старший, поторопись и поешь."

Рабочие захихикали, и кто-то взял бутылку, чтобы налить ещё в пустой бокал перед Лу Жуном.

"Нет, нет, нет, ему больше не наливать," — Шэнь Цзицзе поспешил заблокировать руку

мужчины, и, увидев, что Лу Жун смотрит на него с надеждой, сказал с серьезным выражением лица: "О чем ты думаешь? Не пей больше, ты все еще ребенок."

Рабочий проворно повернулся, и хотя Шэнь Цзицзе загородил его собой, щель все ещё оставалась, через нее и был наполнен бокал.

Как только он наполнился, Лу Жун взял стакан и осушил его за два глотка.

Напиток попал ему в горло, он вздохнул про себя: "Это так вкусно..."

Рабочие захлопали в ладоши, рассмеялись и показали Лу Жуну поднятые большие пальцы. Лу Жун тоже был счастлив, он взглянул на сидящего рядом с ним Шэнь Цзицзе. Но, увидев его спокойное лицо, полное гнева, он спрятал улыбку.

Шэнь Цзицзе был зол и встревожен, но ему было не по себе от рабочих. Он мог только схватить пустой бокал из-под виски и вернуть его обратно.

Шэнь Янь тоже остановил рабочего и сказал: "Ладно, ладно, ребенок выпил, не наливайте ему больше, давайте выпьем сами."

Лу Жун удовлетворенно рыгнул, поднял палочки для еды и начал есть. Шэнь Цзицзе сидел рядом с ним, не говоря ни слова, только ел рис с почерневшим лицом.

"Гэгэ, я хочу съесть это куриное крылышко."

Тушеные куриные крылышки, которые он хотел съесть, лежали в середине большого круглого стола, а его руки были короткими, поэтому он потянул Шэнь Цзицзе за рукава и попросил его передать их ему.

Шэнь Цзицзе, казалось, не слышал этого, он просто ел свою собственную еду, его щеки энергично надувались, когда он яростно жевал рис, словно вымещая свой гнев.

Лу Жун привык определять его эмоции по глазам, поэтому знал, что он зол, не осмеливаясь попросить куриные крылышки вновь, поэтому, желая о крылышках, он продолжил есть рис.

К счастью, Шэнь Янь услышал рядом слово "крылышки" и быстро протянул ему их: "Жун-Жун, просто скажи своему дяде, что еще ты хочешь поесть."

Лу Жун украдкой взглянул на Шэнь Цзицзе, грызя крылышки. Увидев, что выражение его лица было не очень приятным, он наклонился к его уху и льстиво сказал: "Гэгэ, куриные крылышки восхитительны. Ты тоже должен попробовать."

"Держись от меня подальше, от тебя пахнет алкоголем," — Шэнь Цзицзе проглотил рис, который был у него во рту, и холодно сказал.

Лу Жун поджал губы и сказал после минутной скуки: "Разве ты не пил раньше сливовое вино? Ты мне не интересен."

Все громко рассмеялись, и Шэнь Янь сказал: "Вот именно, Жун-Жун, игнорируй его и ешь."

Видя, что Шэнь Цзицзе не обращает на него внимания, Лу Жун опустил голову и принялся грызть крылышки. В результате, прежде чем он закончил, почувствовал прилив жара к голове, взгляд начал мутнеть. Он покачал головой и продолжил жевать, но куриные крылышки смещались из стороны в сторону, и он не мог аккуратно донести их до рта.

Работник на противоположной стороне заметил его ненормальность и указал палочками для еды: "Парень пьян."

Лу Жун только смутился и едва открыл рот, но куриные крылышки, которые он держал в руке, были уже отобраны. Он хотел вернуть их обратно, но не говоря уже о том, чтобы протянуть руку, он даже не мог произнести связного слова.

Своим затуманенным зрением он увидел, как у Шэнь Цзицзе рядом с ним выросли три головы, каждая из которых сердито смотрела на него.

"Хм."

Он фыркнул и хотел повернуться, но его тело неудержимо наклонилось вперед. Падая в объятия Шэнь Цзицзе, его сознание померкло, и он погрузился в глубокий сон.

Лу Жун лежал на двуспальной кровати, его покрасневшее лицо было закутано в одеяло, Шэнь Цзицзе сидел у кровати, время от времени протягивая руку, чтобы потрогать его разгоряченное лицо и лоб.

"Дядя, он не слишком горячий?" — Спросил он, нахмурившись.

Шэнь Янь тоже коснулся его рукой и сказал: "Это нормально. Так бывает, когда ты пьян. Через некоторое время все будет в порядке."

На улице стемнело, Шэнь Янь подошел к простому гардеробу, чтобы взять и переодеться, говоря: "Сяо Цзе, на этой кровати могут разместиться только двое. Сегодня ты будешь спать с Жун-Жуном, а твой дядя пойдет к остальным."

"Хорошо, дядя."

"Тогда уделяй больше внимания Жун-Жуну. Коробка у стены полна минеральной воды. Если он проснется посреди ночи и захочет попить воды, ты можешь взять ее," — сказал Шэнь Янь.

Шэнь Цицице сказал: "Понял."

Шэнь Янь взглянул на него перед тем как уйти и увидел, как Шэнь Цицице поднял руку Лу Жуна и осторожно спрятал ее под одеяло. Движения очень нежные, терпеливые.

Шэнь Янь не смог удержаться и втайне кивнул: Я не думал, что он может заботиться о детях младше себя, это действительно приятно.

После того, как Шэнь Янь ушел, Шэнь Цицице сходил за двумя бутылками воды и поставил их в изголовье кровати, затем забрался в кровать и лег рядом с Лу Жуном.

Улегшись, он некоторое время беспокойно смотрел на него, убеждаясь, что в нем нет ничего необычного, а затем начал засыпать.

...

Лу Жун вновь оказался заперт в чернильно-синем мусорном баке, его носовая полость полна гнилого и затхлого запаха. Сквозь щель в крышке ведра он увидел спину Ван Ту, когда тот уходил.

Он протянул руку, чтобы поднять крышку ведра, но она была такой тяжелой, что он не смог ее открыть. Он хотел крикнуть Ван Ту, но не смог издать ни звука.

Он тревожно боролся, беззвучно плакал и в отчаянии наблюдал, как Ван Ту уходит все дальше и дальше. Пока крик, внезапно сорвавшийся с его губ, не разбудил его.

Лу Жун внезапно открыл глаза и уставился в потолок, из уголка его глаза потекла слеза.

Чей-то голос шептал ему на ухо, внимательно говоря, что-то чего он не мог понять. Когда он очнулся, голос постепенно ослаб и исчез.

На потолке висела лампа накаливания, такая яркая, что он не мог открыть глаза. Он повернул голову и обнаружил, что лежит на твердом цементном полу, а все окружающие стены были построены из серого цемента.

Это большая комната, но в ней нет ни мебели, ни вещей, только лампа.

"Дедушка," — он сел, пока звал дедушку Цая.

Звук отозвался эхом в пустой комнате.

"Гэгэ," — он снова закричал.

По-прежнему никто не отвечал.

Лу Жун сел и некоторое время вспоминал, прежде чем осознал, что напился. Он и раньше крал сливовое вино, так что знал, что это было чувство опьянения.

Но почему я сплю здесь?

Он подумал, не уложили ли его здесь после того, как он напился, но потом подумал, что это невозможно. Его гэгэ не позволил бы ему спать вот так на земле.

Он медленно встал, подошел к окну, выглянул наружу и увидел внизу поляну, заваленную цементом и гравием, и несколько больших машин. Ряд голубых волнистых крыш на краю — это общежития, которые дядя Шэнь показывал ему днем.

Лу Жун понял, что он спит в здании, которое все еще находится в стадии строительства.

Обычно, если с вами поступили несправедливо, вы очень обижены и злы.

Разве он не просто не послушался и выпил лишний бокал алкоголя? Разве это не просто пьянство? Шэнь Цзицзе оставил его здесь.

В прошлый раз, когда он был опьянен сливовым вином, следовало попросить дедушку выбросить его в поле.

Лу Жун с каменным лицом направился к двери, думая, что больше ни с кем разговаривать не будет, сейчас он пойдет домой и пожалуется дедушке.

Когда Шэнь Цзицзе придет к нему завтра, он обнаружит, что там никого нет, он будет очень встревожен.

Дверь была совершенно новой, бронированной, и прозрачная защитная пленка на ней не была сорвана. Лу Жун дернул ручку и вышел.

За дверью находился длинный коридор, через определенный промежуток установлены лампы, освещающие незаконченный цементный проход.

Лестница была на противоположной стороне, Лу Жун шагал к ней, его шаги издавали глухой

звук в пустом здании.

— Поскольку он немного злился, шаги казались тяжёлыми.

Когда он завернул за угол, то увидел там два тюка цемента и рядом с ними жестяное ведро. Цемент не был распакован, на бумажном пакете была напечатана надпись: "Цементный завод Ван Гун", жестяное ведро было покрыто цементной массой, в нем еще оставалось полведра воды.

Когда он добрался до коридора на следующем этаже по обеим сторонам были комнаты с коричнево-красными бронированными дверями, весь этаж вновь был пуст.

Он продолжал спускаться, миновав лестницы, обнаружил, что здесь опять стояли два тюка цемента и железное ведро. На упаковке цемента напечатана надпись: "Цементный завод Ван Гун", железное ведро заполнено раствором и водой наполовину.

Лу Жун удивленно остановился, подумав, что все точно также как наверху, как наверху.

Когда он спустился еще на один этаж и все еще видел два тюка цемента и железное ведро, его охватила паника.

Постояв там некоторое время, он пальцами проделал маленькую дырочку в бумажном пакете с цементом, не решаясь спуститься вниз.

Он замедлил шаг, даже его дыхание замедлилось, и во всем здании стало тихо.

Спустившись и остановившись на этот раз на последней ступеньке, он оперся о железные перила рядом с собой и посмотрел вниз. Конечно же, он увидел знакомые тюки цемента и железные бочки на углу здания.

"Гэгэ," — простояв неподвижно долгое время, Лу Жун вдруг закричал.

Ответа не последовало, он был единственным в этом здании.

Через некоторое время он ухватился за железные перила, будто боялся кого-то спугнуть, и спустился вниз на цыпочках. Ладонь его руки потерлась о железные перила, издав шуршащий звук.

Две упаковки цемента в углу были аккуратно сложены, и по мере того, как он подходил все ближе и ближе, стала отчетливо видна маленькая дырочка, проделанная его пальцами.

Лу Жун остановился перед мешком с цементом, не испытывая страха, но безучастно думая: Это снова сон. Нет, мой гэгэ сказал, что это не сон, это просто место, которое неизвестно где находится.

Но он огляделся вокруг и почувствовал, что все в порядке, почему бы не отнестись к этому как ко сну?

Несмотря на то, что он много раз сталкивался с подобной ситуацией, на этот раз он немного нервничал, потому что не чувствовал дыхания дяди Бая от начала до конца.

Отсутствие запаха дяди Бая повергло его в панику, это не было похоже на предыдущие сны. Но помимо того, что он нервничал, в глубине души он был немного счастлив. Оказалось, что гэгэ не оставил его одного в пустой комнате и не позволил ему спать на земле.

Лу Жун быстро спустился вниз, вышел в коридор и открыл дверь на противоположной стороне лестницы.

Это комната, где он проснулся. Из окна видна строительная площадка. Он хотел бы пойти туда и посмотреть. Может быть, он найдет кого-нибудь или что-нибудь там. Разве это не невозможно? Разве в прошлый раз он не встретил своего гэгэ во сне?

Защелка бронированной двери была отодвинута и открылась толчком, но когда он вошел в комнату, сцена внутри заставила его убрать передние ноги и твердо стоять у двери.

Электрический свет не горел, только лунный свет из окон бледно освещал центр пола.

Он также осветил лежащего там человека.

Мужчина был одет в белый халат, он наполовину опирался о землю в странной позе, его конечности и суставы были странно согнуты, очевидно, это не то, что могут сделать нормальные люди, скорее напоминало членистоногого насекомого. Целый метр волос был разбросан по всему телу, покрывая его черным слоем.

Услышав щелчок двери, он медленно поднял голову, его лицо было скрыто за черными волосами, лишь виднелась бледно-синеватая кожа.

Когда Лу Жун внезапно увидел это, его душа в страхе покинула тело, со свистом превратившись в маленького белого оленя, он развернулся и побежал. Но из-за чрезмерного испуга его копыта заскользили по земле, и он несколько раз пробежал на месте, не сделав и полшага вперед, из-за чего издал олений крик ужаса.

В этот момент бронированная дверь перед ним автоматически с грохотом плотно закрылась. Он вскочил и копытами подергал дверную ручку, щелк, щелк, но дверь, казалось, была заперта

на ключ, он повернул ее несколько раз, она не открывалась.

Лу Жун уже собирался открыть дверь своими рогами, когда услышал сзади странный шум. Он повернул голову и обнаружил, что мужчина выпрямился и пытается встать.

Шерсть по всему телу олененка взметнулась, а четыре маленьких копытца сжались в комок, прижимаясь к земле.

Не могу позволить ему подойти!

Лу Жун быстро обернулся и подбодрил себя в глубине души: Я не боюсь, я не боюсь, я демон, я не боюсь, я олень. Затем он глубоко вздохнул, опустил голову, сверкнул рогами, врезаясь в монстра, который уже поднимал верхнюю часть тела.

Послышался приглушенный хлопок, он прикинул, что попал противнику в грудь. В результате, как только он поднял голову, то увидел перед собой свисающие черные волосы, на руках у него были длинные ногти, сухие, как куриные клешни, он наклонился и попытался оторвать себя от рогов.

Нет! Я не хочу видеть твое лицо!

Сердце Лу Жуна забилося от волнения, он яростно взмахнул передним копытом и сильно ударил по голове. Раздался еще один приглушенный звук, и "человек" сильно пострадал от этого удара, его тело откатилось в сторону и упало на землю, его длинные черные волосы разметались по земле.

Он резко выпрямился, схватился руками за волосы перед лицом и повернул голову, шипя.

Хлопок!

Лу Жун быстро сбил его с ног ударом копыта.

"Шшш..." — Нечто разозлилось и резко подняло голову.

Хлопок!

"Хсссс..." — Олененок повернул голову.

Хлопок!

"Ах, хсс.." — Олененок вызывающе поднял голову.

Хлопок!

После нескольких сильных ударов он, наконец, больше не двигался после последнего рывка. Лу Жун нервно наблюдал за ним, слегка изогнув копыто, всегда готовый.

Внезапно мужчина пополз по земле, как геккон, быстро отступая на два шага назад, затем приподнялся на локтях, вытянул руку и упрямо продолжил выщипывать волосы перед своим лицом.

Лу Жун: !!!

Он яростно запрыгнул мужчине на спину и, не обращая внимания ни на что, лягался и топтался по голове и спине. В его сердце была только одна мысль: Я не могу позволить ему показать свое лицо.

В доме раздался приглушенный звук частых ударов копыт, и после всплеска сумасшедшей отдачи, "человек" под копытом перестал двигаться и неподвижно лежал на земле.

Лу Жун уставился на него, затаив дыхание, его сердце билось так быстро, что готово было выскочить изо рта оленя.

В лунном свете изможденная рука покоилась на земле, через некоторое время его пальцы зашевелились, задрожали и поднялись вверх...

Как только Лу Жун снова поднял копыто, рука упала на землю и больше не двигалась.

Лу Жун отступал шаг за шагом, настороженно глядя на него. Прежде чем он успел отступить к двери, он услышал звук отодвигаемой задвижки, и дверь автоматически открылась. Он поспешно выбежал из комнаты и сильно пнул дверь задними копытами, издав громкий шум.

Лу Жун прислонился к стене и вытащив язык, тяжело дыша.

У-у-у-у, это действительно страшно.

Он повернул голову и увидел свою одежду и обувь, разбросанные у двери, собрал их копытами, а затем мелом завязал, как сумку, и повесил себе на шею.

Отдышавшись за две минуты, он подошел к лестнице и посмотрел вниз. Увидев за углом два мешка с цементом и ведро, он повернулся и пошел по коридору.

Кажется, что как бы вы ни шли, вы не можете спуститься вниз. Вы всегда на этом этаже. Тогда

просто не спускаетесь. Нужно найти световую массу на этом этаже.

Лу Жун перестал думать о том, чтобы открыть эти двери, и просто побежал вперед, поворачиваясь и осматриваясь на бегу.

Проход очень длинный, и когда доходишь до конца, слева и справа появляется ещё коридоры. Оба представляли собой цементные помещения, повсюду разбросана каменная кладка и деревянные планки, между ними не было никакой разницы.

Лу Жун был в беде. Он стоял и смотрел налево и направо, и, наконец, вытянул передние копыта и постучал по обеим сторонам: “Указывайте солдатам и генералам, садитесь на лошадей, чтобы сражаться, и идите, куда хотите. Если вы не пойдете, вы будете щенком.”

Произнеся последнее слова, копыто упало справа, он без колебаний побежал к нужному проходу.

Этот коридор тоже очень длинный, с закрытыми комнатами по обе стороны. Он добежал до конца, оказавшись лицом к двум проходам, которые появились слева и справа, остановился и фамильярно воспользовался методом упорядочивания войск, проследил за копытом, упавшим справа, и продолжил поворачивать направо.

“Указывай солдат и генерал, ездят на лошадях в бой, иди, куда бы ты ни пошел, если ты не пойдешь, ты будешь щенком.”

Направо.

“Укажите солдатам и генералам...”

Направо.

Направо, направо.

Пробежав несколько проходов подряд, его глазам предстала лестница, и когда он увидел мешок с цементом с просверленным отверстием в углу, он понял, что вернулся к началу.

Лу Жун застыл в оцепенении и, постукивая копытами влево и вправо, наконец понял, что метод отдачи приказов солдатам и генералам не так прост в использовании.

Почему всегда направо? Это большой круг?

Он покрепче затянул ношу на шее, думая идти ли в следующий раз направо или налево, а не

каждый раз в одном и том же направлении.

Только он подумал об этом, как бронированная дверь рядом с ним внезапно щелкнула, и послышался звук поворачиваемой дверной ручки.

Этот громкий звук раздался в тихом коридоре, но он был подобен раскату грома над землей.

Лу Жун быстро повернул голову и обнаружил, что это была та самая комната, из которой он только что вышел. Тот, кто сейчас открывал дверь, должен был быть монстром, которого он победил.

Не выпускать его!

Поскольку это была новая дверь, для облегчения строительства рабочим, ключи висели на дверную ручку. Он поспешно наклонился вперед и, выпрямившись, снял ключ, чтобы запереть дверь.

Но на копыте была только одна щель, и, в конце концов, оно не такое гибкое, как пальцы, что не особо хорошо. Особенно когда имеешь дело с такими маленькими вещами, ключ всегда будет выскальзывать из копыта.

Монстр внутри, казалось, заметил кого-то у двери, еще отчаяннее поворачивая ручку, тянул и толкал взад-вперед, железная дверь сильно задрожала.

Лу Жун не хотел ждать пока монстр выйдет, поэтому отбежал от двери в сторону. Что, если он собрал свои волосы в пучок? Ему не нужно протягивать руку, чтобы убрать волосы и показать свое лицо, как только мы встретимся, он поднимет свое большое лицо.

По всему коридору раздавался звук, с которым монстр дергал металлические двери. Лу Жун чувствовал, что так продолжаться не может, ему нужны руки. Поэтому он решительно вернулся в человеческий облик, зажал ключ и повернул его влево.

Щелчок.

Дверь была открыта.

Аа! Ключ повернулся!

Лу Жун закричал, слишком поздно, чтобы позаботиться о двери и ключе, которые были открыты. В панике он нанес удар передним копытом, и только когда он взмахнул им в воздухе, осознал, что это было не копыто, а его собственная рука.

"Ах..." — В то же время с противоположной стороны раздался пронзительный крик.

Звук донесся до его ушей, такой знакомый, что Лу Жун, который вот-вот должен был превратиться в оленя, немедленно прервал свои движения.

Пристально глядя на другого человека, который все еще кричал, он радостно закричал: "Гэгэ."

Крики внезапно прекратились.

Свет в коридоре освещал человека за дверью. Он был одет в светло-голубую футболку и белые шорты, одной рукой держался за дверь, а в другой держал бутылку минеральной воды. Если это не Шэнь Цзицзе, то кто?

"Гэгэ," — Лу Жун сделал шаг вперед, обнял Шэнь Цзицзе за талию и снова закричал.

Шэнь Цзицзе медленно опустил руку и недоверчиво пробормотал: "Жун-Жун?"

"Это я, гэгэ, мы снова столкнулись друг с другом во сне."

На лице Шэнь Цзицзе отразилась смесь радости и печали. В комнате ему было слишком страшно. Теперь же он выбросил минеральную воду, которую держал в руке, и крепко обнял Лу Жуна, зарываясь лицом в его волосы, его тело все еще слегка дрожало.

Лу Жун привстал на цыпочки и заглянул в комнату за его плечо, увидев, что монстр все еще лежит на земле, но его положение, казалось, изменилось. Вместо того, чтобы лежать в центре помещения, он переместился к стене.

Шэнь Цзицзе успокоился и поднял голову. Заметив его взгляд, он быстро загородил человека и вытолкнул: "Пойдем давай, выйди первым, не оставайся здесь."

Закрыв дверь со щелчком, а затем повернув ключ и заперев ее, Шэнь Цзицзе продолжил хриплым голосом: "Жун-Жун, давай выбираться отсюда. Здесь что-то не так."

Он подтолкнул Лу Жуна вперед, и тот продолжал оглядываться на комнату. Шэнь Цзицзе сказал: "Не смотри туда. Я не знаю, что это. После того, как я вошел, я с первого взгляда понял, что это не человек. Это похоже на привидение из телевизора. Но он не очень сильный, кажется, что он может только медленно ползти по земле, отчаянно пытаясь показать мне свое лицо. Как это может сработать? Я отчаянно заливал его минеральной водой, так что он не мог поднять голову."

"Вау, ты потрясающая," — Лу Жун искренне восхищался.

Он осмелился подойти, только превратившись в оленя, но Шэнь Цзицзе полагался только на бутылку минеральной воды.

"Как долго ты здесь находишься? Только что..." — После того, как Шэнь Цзицзе посмотрел на него ясным взглядом, он сделал паузу, а затем сказал: "Почему ты снова голый? Где одежда?"

Он зацепил пальцами сумку с одеждой, висевшую на шее Лу Жуна: "Почему ты снял свою одежду? Зачем ты раздеваешься на каждом шагу?"

Лу Жун почесал свою голую задницу и отвел глаза: "Просто... жарко, слишком жарко, чтобы бегать."

"Не снимай штаны, даже если слишком жарко."

"О."

Шэнь Цзицзе почти ничего не говорил по этому поводу. В конце концов, это не особенно важно. Более того, Лу Жун бега голышом каждый раз, когда принимает душ. Первоначально он испытывал шок и оцепенение, теперь же привыкнув, перестал обращать внимание.

"Но сейчас не так жарко, я лучше оденусь," — Лу Жун развязал узелок, что свисал к груди.

Развязав узел, он начал одеваться.

Видя, что он торопится, Шэнь Цзицзе взял стопку одежды, сначала схватил брюки и протянул их ему, затем протянул рубашку, после чего только огляделся: "Где это? Кажется, это строящееся здание. Это то самое здание, которое ремонтирует мой дядя?"

"Да, я бывал здесь раньше, это здание, которое ремонтируют дядя Шэнь и остальные," — Лу Жун надел рубашку с короткими рукавами, после чего собирался надеть обувь.

"Сначала надень шорты, потом туфли," — Шэнь Цзицзе бдительно огляделся по сторонам, чтобы снова не выпрыгнули какие-нибудь неизвестные существа, вручая ему шорты, не забывая напомнить.

Лу Жун больше не был взволнован, его речь была бесконечной, когда он рассказывал о своих блужданиях по коридору. Просто он не сказал, что встретил странного "человека" в комнате. В конце концов, он превратился в оленя. Пока Шэнь Цзицзе вел его вперед, все еще не в силах подавить радость в своем сердце, он повернул голову, наклонился и поцеловал его в руку.

"Что ты делаешь? Как щенок," — Шэнь Цзицзе остановился и спросил.

Он чувствовал счастье Лу Жуна, догадываясь, что тот, должно быть, запаниковал, когда впервые вошел, поэтому сейчас стал таким прилипчивым.

Сначала ребенок должен бояться и плакать, верно? Искать дедушку и гэгэ везде, верно? Думая об этом, он чувствовал себя одновременно кислым и мягким.

Но, к счастью, он не столкнулся с тем, что не так давно напугало его до смерти.

"Гэгэ, я просто думаю, что ты милый," — Лу Жун снова прикоснулся своими мягкими губами к его руке.

Уголки рта Шэнь Цзицзе слегка приподнялись, и он согнул указательный палец и легонько щелкнул им по лбу, побуждая человека продолжать идти.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326851>